

Ван Синжань всё ещё пребывал в состоянии полной прострации, но Лу Янь уже отстранился от смертоносного наслаждения. Он поднялся, увлекая за собой Ван Синжаня, и попутно привел в порядок его сбившуюся одежду.

В городе Цяньдэн у них не было друзей, к которым можно было бы заглянуть в гости, а эту квартиру они заняли лишь на время. К тому же, эта троица появилась из ниоткуда прямо за дверью спальни. Столь странное приглашение поневоле заставляло усомниться в их истинном происхождении.

Стук в дверь продолжался. Девочка весело запела на мотив детской песенки:

— Добрый друг, открой дверь, поскорее открой, я хочу войти!

— Ну что ты, доченька, к чему такая спешка? — раздался мягкий голос матери. — Мы нагрянули внезапно, нужно дать хорошему другу время подготовиться.

Девочка обиженно засопела:

— Значит, Инъин придется ждать так долго?

Низкий, властный голос отца прозвучал сурово:

— Не волнуйся, Инъин. Мы подождем десять минут. Если через десять минут они не выйдут, значит, что-то случилось. Тогда папа откроет дверь и сам посмотрит, что там происходит.

Девочка тут же повеселела и звонко отозвалась:

— Слушаюсь, папа!

Установив десятиминутный лимит, семейство за дверью как ни в чем не бывало завело светскую беседу. Атмосфера была на удивление уютной, что само по себе выглядело пугающе неестественно.

Разум Ван Синжаня, до этого покинувший его, наконец вернулся на место. Он вновь применил свой универсальный метод бегства от реальности: сделал вид, что ничего особенного между ним и Лу Янем не произошло, хотя его покрасневшие до крови уши выдавали его с головой. Он открыл страницу с досье и вернул телефон Лу Яню:

— Среди всех дел, что я изучил, под описание семьи из трех человек, где ребенок — девочка, подходит только один инцидент.

Лу Янь, который ранее бегло просмотрел собранные Ушуан материалы, быстро вспомнил подробности того семейного конфликта.

Ван Синжань был полон подозрений по отношению к семье за дверью, однако Лу Яня внезапно

осенило.

— Хочешь послушать историю нашей семьи? — Инъин выглядела озадаченной. — Но мы еще хотели показать тебе наши самые важные вещи. Они все дома, поэтому мы и пригласили тебя в гости.

Семья стояла у порога: супруги плечом к плечу, муж приобнимал жену за талию, а жена положила руки на плечи дочери. Девочка держала в ладонях пушистого хомячка и лучезарно улыбалась.

Встретившись взглядом с этими нечеловеческими глазами, Ван Синжань отчетливо считал их эмоции: отец — властный, мать — нежная, дочь — милая и живая. Эта троица выглядела настолько безупречно, будто только что сошла с семейного фотоснимка, где каждое проявление тепла и счастья было тщательно выверено.

Ван Синжань мгновенно понял: источник загрязнения, скорее всего, кроется в тех самых важных вещах, о которых говорила Инъин.

Как и предполагал Ван Синжань, источник загрязнения сам пришел к ним в руки.

— Раз источник загрязнения сам пожаловал в гости, зачем нам куда-то бежать? Если они оскалят зубы, нам будет только проще их изолировать, — Лу Янь сохранял полное спокойствие. Он начал навешивать на Ван Синжаня один предмет снаряжения за другим: защитный шлем, ожерелье, шарф, брошь, перчатки, плюшевого мишку...

Единственным, что выдавало в них не обычных людей, были их глаза. Черные, как смоль, зрачки полностью сливались с радужкой, создавая резкий контраст с белками.

Силы исследователей слишком ничтожны, чтобы противостоять загрязнению напрямую, поэтому они могли лишь извлекать фрагменты с помощью шкатулки изоляции, предоставленной заказчиком. Метод использования прост: коснуться объекта или зоны, плотно заполненной однородной субстанцией, и трижды прошептать слово изоляция. Шкатулка поглотит указанный объект.

Ван Синжань, уже почти похожий под грудой снаряжения на нелепую новогоднюю елку, не выдержал и сунул мишку в руки Лу Яню:

— Десять минут почти вышли. Уходим.

Он указал на окно спальни. Алюминиевая решетка уже лежала на полу, страховочный трос был готов.

— Это второй этаж, даже если сорвемся, серьезных травм не будет. Бежим?

Ван Синжань молча смотрел на семью Инъин. Заметив, что те не проявляют агрессии, он решился заговорить:

— Нам сейчас неудобно идти к вам в гости. Нельзя ли обсудить всё здесь?

Ван Синжань первым подошел к двери и, опередив Лу Яня, отпер замок. Скотч, приклеенный по периметру, с треском оторвался, и дверь медленно отворилась.

В случае успеха исследователи получали отпуск в несколько раз длиннее, чем у остальных членов команды. В случае провала вся энергия, необходимая для призыва шкатулки, высасывалась из самого исследователя. До сих пор ни один исследователь, проваливший изоляцию, не выживал после такого энергетического оттока.

Это было одно из тех базовых знаний, которые Ван Синжань судорожно зубрил последние два дня.

Если Инъин не лгала, то даже если у каждого из них было по несколько важных вещей, выбор между которыми предстояло сделать, сложность изоляции была минимальной. Но в мире не бывает бесплатных обедов: чем больше эта семья шла навстречу, тем сильнее Ван Синжань чувствовал подвох.

— Хорошо, мы придем к вам в гости, — Лу Янь сделал шаг вперед, отвечая за Ван Синжаня, который всё еще не мог решиться.

Семья Инъин ничуть не смутилась враждебности гостей. Как только Лу Янь согласился, Инъин радостно зачмокала хомячка:

— Идемте скорее за мной!

Она вприпрыжку повела их через прихожую. Дверь открылась, и вместо коридора перед ними предстала уютная гостиная. На стене висели фотографии. Инъин, подбоченившись, с гордостью указала на них Ван Синжаню, который до последнего медлил на пороге:

— Видишь, какая стена? Разве наша семья не самая счастливая на свете?

На большинстве фото была сама Инъин, чуть меньше — мать, а отец появлялся в кадре почти исключительно в кругу семьи. С каждого снимка на них смотрели сияющие лица.

Пока Инъин без умолку рассказывала истории, связанные с фотографиями, отец заварил чай, а мать приготовила фрукты и закуски. К тому времени, как девочка утомилась, всё было готово.

Перед тем как приступить к еде, Инъин наконец отложила хомячка и в сопровождении матери пошла мыть руки. Когда она вернулась, все расселись вокруг журнального столика. У ее любимца тоже нашлось место: его клетка стояла тут же, и хомячок лениво грыз кусочек камня для стачивания зубов.

Ван Синжань даже не притронулся к угощениям:

— Теперь рассказывайте свою историю. Начните с того самого происшествия.

Отец тяжело вздохнул:

— Это всё моя вина.

Он начал свой рассказ. Поссорившись с начальником, он уволился и решил открыть свое дело. Он увлекся парфюмерией, а поскольку их с женой объединила любовь к цветку Тысячи огней, он решил создать духи на его основе. Разработка стоила дорого, он вложил все сбережения и взял огромный кредит. Но парфюм не удался, а партнер предал его, сбежав с деньгами и оставив после себя руины. Давление росло, и однажды, напившись до беспамятства, он нашел способ выплеснуть гнев — свою жену.

Мать отодвинула челку, обнажая жуткий шрам:

— Он постоянно бил меня в пьяном угаре, а протрезвев, падал на колени и рыдал, вымаливая прощение. Мне было невыносимо, но ведь это я предложила заняться духами, а тот партнер был моим родственником. Я не могла его бросить. Пока однажды он не проломил мне голову. Я провела в операционной больше двадцати часов, трижды была на грани смерти. Я больше не хотела так жить...

Мать погладила Инъин, которая усердно жевала пирожное. Девочка подняла голову, испачкав рот кремом, и мило улыбнулась. Говоря о страшном прошлом, она выглядела такой же счастливой, как и прежде:

— Папа никогда не бил меня, но мне было очень страшно. У мамы была дыра в голове, она лежала на полу, залитая кровью. Мое сердце сломалось. Папа ухаживал за мамой в больнице, а я осталась дома одна. Со мной были только два хомячка. Одного звали Сяо Дун — его подарил папа, другого Сяо Си — подарок мамы. Я возненавидела папу, задушила Сяо Дуна и проглотила его.

— Прости меня, — отец погладил дочку по голове. — Хорошо, что я тогда вернулся домой за сменной одеждой и вовремя нашел Инъин, которая уже начала задыхаться.

Их рассказ почти полностью совпадал с той статьей, которую читал Ван Синжань — Маленькая девочка проглотила хомяка и едва не погибла из-за домашнего насилия — за исключением некоторых деталей, которые тогда не были преданы огласке.

— А как ваша жизнь наладилась?

Мать аккуратно вытерла крем с губ дочери:

— Инъин едва не погибла, и то, что отец спас ее, заставило ее стать очень зависимой от него. Ради нее я решила дать ему последний шанс.

Отец написал длинное письмо с покаянием и навсегда завязал с алкоголем. Он распродал всё оборудование и материалы для производства духов, вернулся на рынок труда и нашел новую работу, никак не связанную с парфюмерией.

Мать продала все свои ценные украшения, чтобы помочь мужу расплатиться с долгами. Днем он работал, а по ночам брался за подработки, экономя на всем, чтобы выкупить мамино обручальное кольцо, обещая, что это станет их началом с чистого листа.

Их чудесное исцеление было связано с одним фактом.

Все, что касалось парфюмерии, было продано, кроме одного горшка с цветком Тысячи огней. Его тоже хотели выбросить, но цветок подарил Инъин отец, и девочка, пережив тот ужас, постоянно плакала, обнимая горшок, когда папа был на работе. Цветок, политый ее слезами, стал тем самым первородным цветком, способным усиливать эмоции.

Они выкопали половину корней и продали их за огромную сумму. На эти деньги их жизнь начала налаживаться.

Письмо отца с покаянием.

Обручальное кольцо матери.

Цветок Тысячи огней Инъин.

Семья из трех человек выложила свои самые важные вещи на стол. Их черные глаза в упор смотрели на Ван Синжання, не удостоив Лу Яня ни единым взглядом. На их лицах застыла одинаковая, жуткая улыбка, а голоса слились в один:

— Как ты думаешь, что из этого самое важное?

<http://bllate.org/book/22325/2338395>